

УДК 811.551.3+81'35

Т. А. Голованева

ОПЫТ ИЗДАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ НА КОРЯКСКОМ ЯЗЫКЕ:
ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕДАКТОРСКОЙ ПРАВКИ
М. Ф. УШАКОВОЙ-ИКАВАВ

Исследование проведено в рамках базового проекта № 0263-2021-0002 «Комплексная текстология и синхронно-диахронное исследование фольклорных традиций народов Сибири», 2021–2025 (рук. Е. Н. Кузьмина)

В статье представлен анализ орфографических особенностей корякских фольклорных текстов, подготовленных к печати редактором М. Ф. Ушаковой-Икавав. Публикациям на корякском языке присуща орфографическая вариативность, что является объективным свидетельством неустоявшейся письменной традиции. Ошибочные написания представляют собой не хаотичные описки редактора, а систему, которая отражает объективные сложности национальной орфографии.

Ключевые слова: чукотско-камчатские языки, корякский язык, корякский фольклор, исчезающий язык, миноритарный язык, младописьменный язык, письменная культура, орфография

T. A. Golovaneva

EXPERIENCE OF PUBLISHING FOLKLORE TEXTS IN THE KORYAK LANGUAGE:
ORTHOGRAPHIC PECULIARITIES OF M. F. USHAKOVA-IKAVAV'S EDITING

The current paper represents the analysis of orthographic features in Koryak folklore texts. The texts were prepared for publication by the editor M. F. Ushakova-Ikavav. Orthographic variability is typical for publications in the Koryak language and evidently shows unstable traditional spelling. Mistakes represent a system displaying difficulties of national orthography, rather than chaotic lapses of the editor.

Key words: the Chukotko-Kamchatsky languages, the Koryak language, the Koryak folklore, disappearing language, minority language, languages with a recent system of writing, written culture, orthography

По мере того, как корякский язык уходит из устного бытования, все большее значение приобретает его письменная форма. В настоящее время изучающие корякский язык нередко ориентируются не на устную корякскую речь, а на письменные тексты: учебники, фольклорные сборники, авторские произведения на корякском языке, в связи с чем тема корякской орфографии становятся все более актуальной.

Вопрос о корякской графике и орфографии был решен еще в 1960 г. и ознаменован выходом в свет корякско-русского словаря [8]. С того времени корякская письменность официально существует

в неизменном виде, однако публикациям на корякском языке по сей день присуща орфографическая вариативность, что является объективным свидетельством неустоявшейся письменной традиции.

Цель статьи — выявить орфографические трудности, характерные для публикаций на корякском языке. Материалом исследования послужили книги, подготовленные к печати редактором М. Ф. Ушаковой-Икавав [2, 6, 7, 11]. Объект исследования — случаи отступления от орфографической нормы, наблюдаемые в опубликованных текстах. В статье не рассматриваются случайные ошибки: пропуски

букв, буквенные замены, не имеющие системного характера.

Отступления от словарной нормы системны, их анализ позволяет определить круг орфограмм, характерных для корякской письменности, и предложить алгоритмы применения правил правописания. Перечень орфографических трудностей корякского языка необходим как практическое руководство для редакторов национальных текстов, так как корякский орфографический словарь-справочник до сих пор не создан, поэтому статья имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Осмысление орфографических трудностей — один из закономерных этапов развития письменной формы языка. Не случайно активная работа по изучению орфографии ведется в национальных регионах РФ. В частности, проблемам эвенской письменности посвящена монография А. А. Бурыкина [1], фундаментальное исследование проблемных вопросов карачаево-балкарской орфографии было проведено Х. И. Суюнчевым [10]. В условиях неравноправного двуязычия во многих национальных регионах РФ под влиянием русского языка национальный язык уходит из повседневной практики общения. В такой ситуации важное условие сохранения исчезающего языка — это развитие письменности на нем.

Для успешного развития письменности национальные лексемы в их графическом выражении должны быть узнаваемы, т. е. их написание должно быть унифицированным, что возможно только в том случае, если для национальной письменности будут разработаны и научно обоснованы соответствующие орфографические правила. Орфография не есть некий свод произвольных предписаний, она не может быть раз и навсегда установлена, «спущена сверху». Есть объективные языковые законы, которые влияют на особен-

ности функционирования письменности и проявляются в текстах как субъективные намерения пишущих.

Для нормированной корякской письменности основными являются фонематический и морфологический принципы. Фонематический (не фонетический!) принцип предполагает отражение на письме фонемного (не фонетического!) состава слов, морфологический принцип ориентирован на единообразие и системность написания определенных морфем.

Применительно к корякскому языку морфологический принцип, по-видимому, не должен исключать возможности отражения на письме закона гармонии гласных, а также процессов ассимиляции согласных на стыке морфем¹. Данные фонетические явления имеют системный характер, легко распознаются на слух, но для грамотного отражения их на письме необходимо учитывать морфологическую структуру слова. Фонетический принцип характерен для рукописей, авторство которых принадлежит тем носителям корякского языка, которые не имеют специального (лингвистического или педагогического) образования, чья профессиональная деятельность не связана с трансляцией письменных текстов. Для наивных в лингвистическом отношении людей основным принципом записи родной речи является фонетический: «как слышу, так и пишу». Фонетический принцип предполагает фиксацию на письме аллофонов фонемы, в связи с чем одно и то же слово может быть записано по-разному, так как учитывает фонетические оттенки произношения: *лэйвытукук* ~ *лейвытукук* ‘долго бродить, гулять’. Признак мягкости / твердости согласного звука не является для корякского языка фонематическим, то есть употребление твердого согласного [l] или мягкого [lʲ] не влияет на значение

¹ О спорности такой трактовки морфологического принципа орфографии см. [1, с. 318].

слова, поэтому в корякском языке разные звуки [l] и [l'] представляют собой аллофоны одной фонемы [l]. Нередко в речи одного и того же носителя корякского языка в одних и тех же позициях одного и того же слова согласный может произноситься то как непалатализованный (твердый), то как палатализованный (мягкий), поэтому опора на фонетический принцип записи приводит к орфографической вариативности.

Носители национальной языковой традиции при создании или редактировании письменных текстов на родном языке невольно ориентируются на фонетические особенности устной речи, т. е. на свой слуховой опыт, на свое чувство языка.

На Камчатке в 1980-е гг. редакторской подготовкой корякских текстов занималась Мария Федоровна Икавав (в замужестве Ушакова). Она родилась в с. Манилы Пенжинского района Корякского автономного округа. Корякский язык был ее родным, первым освоенным языком. В 1972 г. Мария Федоровна окончила Хабаровский педагогический институт по специальности «Учитель русского языка и литературы». В 1977 г. после обучения в аспирантуре Московского научно-исследовательского института национальных школ она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Преподавание на русском и корякском языке детям в школах КАО», затем работала в Камчатском областном институте усовершенствования учителей методистом, заведующей кабинетом национальных школ. В 1982 г. М. Ф. Икавав принимала участие в редактировании перевода повести И. Виноградова «На краю Родины» [2], в 1983 г. перевела на корякский язык рассказы Е. Чарушина «Большие и маленькие». Чуть позже Мария Федоровна перевела на корякский язык авторские произведения Кирилла Килпалына [7], в 1987 г. опубликовала сборник

фольклорных сказок «Ваятлымуйлэ» 'Народные сказки' [6].

Редактор, стремясь как можно более точно отразить на письме фонетические особенности родной речи, вольно или невольно отступает от нормативных вариантов записи, тем более что орфографические правила корякского языка четко не сформулированы. В опубликованных текстах, подготовленных к печати М. Ф. Икавав, отражена вариативность мягкого и твердого вариантов звучания некоторых лексем: ¹*ануыта* ² [с. 14]³, норм. ⁴*аньуыта* 'рядом'; ¹*гальг'укалилин* [с. 9], норм. *галг'укалилин* 'разрисовано лицо'; ¹*г'иннуатгыг'и* 'они свалились двое' [с. 7], норм. *г'иньуатгыг'и*; ¹*игыннуин* [с. 14], норм. *игыннуин* 'такой'; ¹*жинв'ат* [с. 5, 7, 13], норм. *жиньват*; ¹*лейвыткук* [с. 11], норм. *лэйвыткук* 'ходить, бродить'; ¹*люжылылятиляжа* [с. 15], норм. *лужылылятиляжа* 'черненькие глазки'; ¹*ляв'тыткынык* [с. 17], норм. *лав'тыткынык* 'на макушке головы'; ¹*яляйвытколау* [с. 11], норм. *ялайвытколау* 'будут часто приходить'.

В изданиях на корякском языке, подготовленных М. Ф. Икавав, наблюдаются такие отступления от орфографической нормы, которые обусловлены фонетическими особенностями ее говора, в частности, отражена вариативность *г // в*'. Словарь допускает вариативное написание корякского слова 'волна': *мыв'мыв* ~ *мыгмыг*. В текстах М. Ф. Икавав встречается только вариант с щелевым заднеязычным со-

² В статье восклицательным знаком в верхнем регистре «! » отмечены случаи отступления от орфографической нормы.

³ При отсутствии в квадратных скобках указания на номер источника по умолчанию принят источник [7]. Для удобства восприятия текста статьи, примеры, в большинстве случаев, даются по книге фольклорных и авторских текстов К. Килпалына «Г'амто, тиктыи!», переведенных на корякский язык М. Ф. Ушаковой.

⁴ В статье используется сокращение «норм.» — нормативный вариант правописания.

гласным [y]: *мыгмыё* [с. 13] ‘волны’. В качестве равноценных М. Ф. Икавав использует способы записи, отражающие особенности нормативного и диалектного вариантов произношения некоторых лексем: *кытагут* [с. 5, 7] ~ *кытавут* [с. 17] ~ норм. *кытав’ут* ‘вдруг’ [с. 7, 9, 13, 14]; *гуйв’ын* [с. 5], норм. *в’уйвын* ‘поселок’; *эчгигут* [с. 7, 13], норм. *эчги-в’ут* ‘как раз теперь’; *ынагут* [с. 13], норм. *ынав’ут* ‘как раз, в это время’.

Для изданий на корякском языке характерен разноречивый при записи близких по звучанию согласных: губно-зубного [v] (в) и губно-губного [w] (в’). В соответствии с фонетическими особенностями корякского языка в ауслауте (конечной позиции) встречается только губно-губной согласный [w] (в’). По этому поводу в грамматике отмечено, что «[v] — губно-зубной плоскощелевой сонант. В конце слова не встречается» [5, с. 10], однако в изданиях на корякском языке нередко на конце слова пишется в, что соответствует звуку [v]. Вероятно, подобные случаи объясняются случайным пропуском финального апострофа в сочетании в’: *кычав* [с. 18], норм. *кычав’* ‘хариус’; *в’эемкин* [с. 17], норм. *в’эемкин*; *в’эюлг’этык* [с. 19], норм. *в’эюлг’этык* ‘бояться’; *ейв’эчу тыччин* [с. 15], *ейв’эчу тыччин* ‘я пожалел его’; *ков’аняваллау* [с. 17], норм. *ков’аняваллау* ‘разговаривают’; *кокав’ялг’атыу* [с. 18], норм. *кокав’ялг’атыу* ‘поворачивается, увертывается’; *уав’кайуын* [с. 15], норм. *уав’кайуын* ‘медведица, женщина-медведь’; *тыйыкчав’уывок* [с. 15], норм. *тыйыкчав’уывок* ‘я заторопился’. Показательно, что в публикациях встречается обозначение в вместо ожидаемого в’, но нет случаев обратной замены (в’ вместо в), что доказывает вероятность случайного пропуска апострофа при наборе печатного текста.

Сложность вызывает правописание удвоенного сочетания согласных в корне. В период создания корякской письменности С. Н. Стебницкий и Г. М. Корсаков на основе слуховых наблюдений выявили присущее некоторым лексемам наличие удвоенного сочетания согласных, что получило соответствующее отражение на письме. Такое правописание закрепилось в корякской письменности как нормативное. Однако удвоение согласных не всегда отчетливо воспринимается на слух, поэтому М. Ф. Икавав в некоторых случаях не отмечает его на письме: *гатвелалэн* [с. 13], норм. *гатвэллалэн* ‘стоял’ от *вэллак* ‘стоять’; *г’инийтэ* [с. 15], *г’иннийтэ* ‘за шею’; *моголайвык* [с. 18], норм. *могголайвык* ‘сильно лаять’; *мыткоо’ноляплау* [с. 9], норм. *мыткоо’ноляплау* ‘мы смотрели в окно’; *омачайтынэн* [с. 7], норм. *оммачайтынэн* ‘он обнял его’; *тыл’ятык* [с. 17], *тыл’ятык* ‘я посмотрел’; *эв’и* [с. 15], норм. *эв’и* ‘нарочно’.

Носители корякского языка, пройдя обучение в русских школах и овладев навыками русской письменности, спонтанно применяют полученные навыки для чтения текстов на корякском языке. Подобный перенос навыков чтения и письма с одного языка на другой представляет собой проявление языковой интерференции. По наблюдениям исследователя эвенского языка А. А. Бурыкина, в современных условиях национально-русского неравноправного двуязычия факты языковой интерференции при оформлении письменных текстов на национальном младописьменном языке — типичное явление [1, с. 236]. Примеры языковой интерференции обнаруживаются и в текстах, подготовленных М. Ф. Икавав. Используя способы обозначения палатализации согласных перед гласными, принятые в русской системе письма и основанные на слоговом принципе орфографии, М. Ф. Икавав применяет данные правила

при подготовке текстов на корякском языке и последовательно обозначает мягкость согласного перед [е] при помощи йотированной буквы *е*. В корякском языке палатализация согласных перед [е] проявляется не так четко, как в русской речи. Если опираться исключительно на фонетический принцип записи корякских слов, невольно испытываешь замешательство: обозначать «проблемный» согласный как мягкий или как твердый, то есть использовать *е* или *э* после согласного. Словарный вариант записи обычно регламентирует написание *э* после согласного, однако в аналогичных случаях М. Ф. Икавав использует букву *е*. Данная орфографическая особенность свидетельствует о том, что редактор воспринимала согласный перед [е] как палатализованный. В частности, М. Ф. Икавав последовательно отражает палатализацию (смягчение) согласного в следующих позициях:

1) палатализация губно-губного смычного глухого согласного [p] перед гласным [е]: ¹*альпеаль* [с. 18], норм. *альпэаль* ‘камбала’; ¹*уыпек* [с. 18], норм. *уыпэк* ‘выйти из воды’; ¹*пелатэ* [с. 17], норм. *пэлатэ* ‘он остался’; ¹*пеуколай* [с. 17], норм. *пэуколай* ‘они прыгнули’. В текстах наблюдается вариативность записи уменьшительно-ласкательного суффикса *-пэль*. Так, на одной странице присутствуют как «мягкий» (*-пэль*), так и «твердый» (*-пэль*) варианты: ¹*эльг’апэль* ‘девушка’ [с. 13] ~ норм. *эльг’апэль* ‘девушка’ [с. 13]. В словарях и методических пособиях в качестве нормативного утверждено только вариант с буквой *э* [8, с. 229; 3, с. 11];

2) палатализация заднеязычного (неглубокого) смычного глухого согласного [k] перед гласным [е]: ¹*иткелг’у* [с. 13], норм. *иткэлг’у* ‘отобранные’; ¹*кев’лау* ‘говорят’ [с. 17], норм. *кэв’лау*; ¹*кеймэвилг’этыу* [с. 18], норм. *кэймэвилг’этыу*

‘приближается’; ¹*овэкеу* [с. 11], норм. *овэкэу* ‘себе’;

3) палатализация увулярного смычного глухого согласного [q] перед гласным [е]: ¹*кейнэвык* [с. 18], норм. *кэйнэвык* ‘стрелять’; ¹*кейнуун* [с. 9], норм. *кэйнун* ‘как раз, опять’; ¹*ныпанчакен* [с. 18], норм. *ныпанчакэн* ‘плоский’; ¹*пыткетти* [с. 13], норм. *пыткэти* ‘ударился’; ¹*ялкетэв’ма* [с. 7], норм. *ялкэв’ма* ‘входя’;

4) палатализация губно-зубного плоскощелевого согласного [v] перед гласным [е]: ¹*айгыве* [с. 13], норм. *айгывэ* ‘вечером’; ¹*айгывенья* [с. 13, 14], норм. *айгывэнья* ‘вечером’; ¹*ветга* ‘сразу’ [с. 5, 7, 13, 14, 15, 17], норм. *вэтга*; ¹*эйвеу* [с. 15], норм. *эйвэу* ‘однако’;

5) палатализация губно-губного круглощелевого согласного [w] перед гласным [е]: ¹*в’еннятомгыу* [с. 15], норм. *в’эняннатомгыу* ‘товарищу-помощнику’; ¹*кув’еюлг’этыу* [с. 9], норм. *кув’эюлг’этыу* ‘боится’; ¹*эв’в’еченма* [с. 14], норм. *эв’в’эченма* ‘в то время, когда пили’;

6) палатализация заднеязычного щелевого согласного [ɣ]: ¹*гекмиллин* [с. 15], норм. *гэкмиллин* ‘взял его’; ¹*генаймаклэн* [с. 7], норм. *гэнаймаклэн* ‘он окутан’; ¹*тынгетык* [с. 15, 17] ~ норм. *Тынгэтык* [с. 15] ‘взобраться’; ¹*эйимгымгеткэ* [с. 14], норм. *эйимгымгэткэ* ‘не бояться’;

7) палатализация губно-губного носового сонанта [m] перед гласным [е]: ¹*мей!* [с. 15], норм. *мэй!* ‘здравствуй!’; ¹*мелэвык* [с. 13], норм. *мэлэвык* ‘выздоровливать’; ¹*метг’ау* [с. 9] ~ норм. *мэтг’ау* [с. 11] ‘красиво’; ¹*меткэ* [с. 14, 15], норм. *мэткэ* ‘может быть’; ¹*умекэти* [с. 7], норм. *умэкэти* ‘собрался’; ¹*чамечак* [с. 15], норм. *чамэчак* ‘подкрадываться’; ¹*чеймэви* [с. 15], норм. *чеймэви* ‘приблизился’; ¹*эмелкэ* [с. 13, 18], норм. *эмэлкэ* ‘хорошо’. Словарь рекомендует «твердый» вариант правописания усилительного префикса *мэль-* [8, с. 223], однако в текстах М. Ф. Икавав, как правило, используется

вариант записи с *e*. Такое отступление от орфографической нормы, вероятно, связано с фонетическими особенностями речи редактора: ¹*тымелгитэн* [с. 18], норм. *тымэлгитэн* ‘я хорошо рассмотрел его’; ¹*тымелгынтэвык* [с. 17], норм. *тымэлгынтэвык* ‘я помчался’; ¹*тымелпижук* [с. 17], норм. *тымэлпижук* ‘я резко прыгнул’;

8) палатализация переднеязычного апиального носового сонанта [ŋ] перед гласным [e]: ¹*ыннеучеу* [с. 14], норм. *ыннэучеу* ‘однажды’. По нормам корякской письменности утвержден только «твердый» вариант записи увеличительного суффикса *-нэжу* // *-нажу* [3, с. 13]. Однако М. Ф. Икавав последовательно использует вариант, отражающий мягкость согласного перед [e]: ¹*гивинэжу* [с. 9], норм. *гивинэжу* ‘целый год’; ¹*пычгычгынежу* [с. 15], *пычгычгынежу* ‘страшный шум’;

9) палатализация заднеязычного носового сонанта [ŋ] перед гласным [e]: ¹*гачнэтыу* [с. 15], норм. *гачнэтыу* ‘слева’; ¹*г’эйнэлживи* [с. 15], норм. *г’эйнэлживи* ‘позвал’; ¹*йиңей* [с. 15], норм. *йиңэй* ‘полетел’; ¹*чанэтитык* [с. 15, 17], норм. *чанэтитык* ‘испугаться’.

В корякском языке палатализация согласного перед [e] не выполняет смысло-различительной функции. Орфографическое правило, регламентирующее правописание *e* или *э* после согласных, не сформулировано. На основании примеров из методических пособий можно утверждать, что, в большинстве случаев, нормативным является «твердое» написание, однако никаких существенных аргументов в пользу «мягкого» или «твердого» варианта записи нет. Кто-то произносит скорее твердо, чем мягко, кто-то — скорее мягко, чем твердо. Степень палатализации согласного перед [e] может быть разной при произнесении одних и тех же слов. Вариативность написания сочетания

согласного и следующего за ним гласного [e] обусловлена стремлением пишущих отразить на письме оттенки своего произношения. В данном случае орфографическая вариативность обусловлена фонетической вариативностью, присущей языку, и действием фонетического, а не фонематического принципа записи. Опора на фонетический принцип предполагает фиксацию на письме аллофоны фонемы, в результате появляется множество вариантов записи одного и того же слова, причем нередко в пределах одного и того же текста. Без опоры на грамматически обоснованные правила система орфографии разрушается, а сам пишущий нередко не может понять, что он написал. Применение только фонетического принципа не позволяет сложиться орфографической системе корякского языка.

Некоторые особенности редактирования обусловлены спорностью тех вариантов записи, которые предложены как нормативные в корякско-русском словаре. В частности, в корякской письменности не предусмотрено отражение на письме мягкости согласного в позиции перед редуцированным гласным [ə]. По правилам корякской графики гласный [ə] на письме обозначен буквой *ы*, при этом согласный звук, предшествующий неопределенному гласному [ə], нередко палатализуется. В соответствии со слоговым принципом русской орфографии М. Ф. Икавав обозначает мягкость согласного, используя букву *и*: ¹*пийтколай* [pə¹təkə¹laj] ‘они закончили’ [с. 7], в то время как более точной была бы запись — *пльытколай*, которая отражает наличие редуцированного гласного в корне; аналогично — ¹*йинниуык* [jɪn¹nɪ¹ə¹ɲək] ‘бороться’ [с. 18] (*йинныуык*).

Разберем особенности отражения редуцированного гласного после мягкого согласного на примере слова: ¹*эняннил-жав-булижув* ‘колыбельные песни’ [с. 13].

Прочитав это слово по правилам русского письма, человек произнесет его достаточно близко корякскому оригиналу. Однако приведенное написание противоречит одному из принципов корякской графики, согласно которому редуцированный гласный [э] обозначается буквой *ы*. Слово представляет собой инкорпоративный комплекс, в котором к стержневой основе *буликул* ‘песня’, присоединяется основа с корнем *йылк-* ‘сон, спать’. В данном случае, перед редуцированным произносится мягкий согласный, поэтому редактор невольно использует букву *и*, как это принято в русской системе письма, чтобы отразить на письме мягкость предшествующего согласного.

На стыке морфем после мягкого согласного всегда следует редуцированный гласный [э], поэтому после аффикса, оканчивающегося на мягкий согласный, для обозначения редуцированного гласного целесообразно использовать графическое сочетание *ьы*. В частности: *эпикьевкылг'ын* [с. 17], более обоснованно записать как *эпльыкьевкылг'ын* ‘не совсем проснувшийся’.

В ходе подготовки текстов на корякском языке М. Ф. Икавав активно использует отвлеченные существительные. В корякском языке существительные с общим значением абстрактности образуются по продуктивной модели: производящая основа (глагольная, именная) + суффикс *-гыйу*. В качестве нормативного утверждён только один вариант его записи: *-гыйу* [8, с. 225; 5, с. 87; 3, с. 22]. М. Ф. Икавав последовательно отступает от орфографического варианта и использует тот способ записи, который отражает палатализацию согласного [χ] в суффиксе: *'ауъягиуын* [с. 11], норм. *ауъягыйуын* ‘похвала’; *'вэтгиуын* [с. 11], норм. *вэтгыйуын* ‘работа’; *'в'ыччетгиуын* [с. 14], норм. *в'ыччетгыйуын* ‘зрелище’; *'гывагиуын* [с. 17], норм. *гывагыйуын*

‘зацепка’; *'гэвэгиуын* [с. 13], норм. *гэвэгыйуын* ‘год’; *'ёнатгиуын* [с. 11], норм. *ёнатгыйуын* ‘жизнь’; *'катгогиуын* [с. 17], норм. *катгогыйуын* ‘сила’; *'нав'чеугиуа* [с. 9], норм. *нав'чеугыйуа* ‘с грустью’; *'пыттоугиуын* [с. 13], норм. *пыттоугыйуын* ‘богатство’.

Графическое оформление аффикса со значением абстрактности обусловлено фонетическими особенностями речи редактора и действием фонетического принципа записи, в соответствии с которым на письме фиксируются аллофоны фонемы. Однако такая запись противоречит закону гармонии гласных, так как узкий гласный [i] является гласным I (слабого ряда), в то время как под действием суффикса *-гыйу* гласные производящей основы преобразуются в гласные II (сильного) ряда. Под влиянием суффикса *-гыйу* слабые гласные основы переходят в соответствующие сильные: *уйцвэтык* ‘играть’ → *оечватгыйуын* ‘игра’, *тэйкык* ‘делать’ → *тайкыгыйуын* ‘дело’, *нытпулюжн* ‘маленький’ → *ытполгыйуын* ‘меньшинство’.

Исследователь чукотского языка П. Я. Скорик отмечал, что гласный [э] представляет собой либо упрощение гласного [а], либо упрощение гласного [е], так как в ходе исторических изменений гласные полного образования в некоторых позициях редуцировались до неопределённого краткого гласного [9, с. 23]. В суффиксе *-гыйу* неопределённый [э] представляет собой редукцию гласного [а], именно поэтому суффикс *-гыйу*, присоединяясь к основе со слабыми гласными, предопределяет их переход в сильные гласные: *гивик* ‘прожить год’ → *гэвэгыйуын* ‘год’, *юнэтык* ‘жить’ → *ёнатгыйуын* ‘жизнь’.

Как показывает анализ текстов, трудность вызывает и написание глагольного суффикса *-уыйт* ‘добывать, промышленять’. В соответствии с нормативным написанием возможен только вариант записи —

-*уыйт*: *ынныуыйтык* ‘добывать рыбу, рыбачить’ [8, с. 229]. Интересно, что М. Ф. Икавав на полях параграфа грамматики корякского языка, посвященного суффиксу *-уыйт*, карандашом сделала пометку: «*уийт?*». В ходе редакторской подготовки корякских текстов она целенаправленно отступала от нормативного написания данного суффикса: ¹*гыйник-уыйтынвык* [с. 14], норм. *гыйникуыйтынвык* ‘на месте охоты’; ¹*гыйникуыйтыгыуын* [с. 17], норм. *гыйникуыйтыгыуын* ‘охота’; ¹*комэмылуыйтыуволау* [с. 17], норм. *комэмылуыйтыуволау* ‘отправились охотиться на тюленей’; ¹*кунныуыйтыу* [с. 18], норм. *кунныуыйтыу* ‘идет ловить рыбу’. Целесообразно придерживаться словарного варианта написания суффикса *-уыйт*, которое было утверждено в качестве нормативного в 1930-е гг., и, как следствие, закрепилось в более поздних изданиях.

По правилам корякской орфографии в начале слов недопустимо стечение двух согласных. Однако, произносимый между двумя согласными неопределенный гласный настолько краткий, что нередко носители корякского языка не отражают сверхкраткий гласный на письме. Автор методических пособий по корякскому языку В. Р. Дедык предлагает давать упрощенную фонетическую транскрипцию, предназначенную для школьников, которая поможет им правильно читать по-корякски: *нымитгым* [нмитгым] ‘я умелый’, *кылганнин* [клганын] ‘он запряг’, *йылнин* [йлнын] ‘он отдал что-л.’ [4, с. 44–45]. Такая упрощенная транскрипция больше соответствует современному звучанию корякских слов, нежели орфографическая запись.

Корякско-русский словарь 1960 г., в условиях отсутствия более позднего издания, по сей день остается орфографическим словарем-справочником для редакторов корякских текстов. Несмотря на то

что в устной речи в ряде случаев наблюдается стечение согласных в начале слова, словарь регламентирует написание: *кымыуын* ‘ребенок, сын’, *пылакыт* ‘пара обуви, торбаза’, *пылайтык* ‘обуваться’, *пычиу* ‘мелкая птица’, *пыче!* ‘постой!’, *тынуу* ‘сопка’ [8]. Если ориентироваться на правила чтения по-русски, то, действительно, запись *пче* точнее отражает звучание корякского слова [рәсә], в котором неопределенный гласный [э] произносится очень кратко. Постоянно практикуя чтение по-русски, люди невольно и в корякских текстах читают *ы* как долгий гласный, что полностью искажает облик корякских слов. В текстах М. Ф. Икавав достаточно примеров, подтверждающих количественную редукцию неопределенного гласного в позиции между двумя согласными в начале слова: ¹*мъягынын* [с. 5], норм. *мыягыуын* ‘украшение на одежде’; ¹*млавык* [с. 5], норм. *мылавык* ‘танцевать’; ¹*пче* [с. 5, 11, 13], норм. *пыче* ‘постой!’, ¹*чвиитту* [с. 7], *чывиитту* ‘части’. Стечение согласных в начале слов необходимо трактовать не как ошибочное написание, противоречащее словарю, а как объективный языковой факт, который свидетельствует о фонетическом процессе выпадения неопределенного гласного в начале словоформы.

В системе корякской письменности действует орфографическое правило: *лы, ти, ни* читаются твердо. М. Ф. Икавав, опираясь на правила русской письменности, нередко отступает от корякского орфографического правила и использует сочетания *лы, ты, ны*. При этом наблюдается вариативность. Например, нормативный вариант записи слова *тийкытий* ‘солнце’ [с. 9] используется в тексте параллельно с вариантом ¹*тийкытый* [с. 9], который не соответствует орфографической норме, но зато точнее передает звучание корякского слова. Вариативность наблюдается и при записи однокоренных